ЕВГЕНИЙ ЧЁРНЫЙ

СЕКС КАК СТАКАН ВОДЫ

Десять ударов по иллюзиям

Философская провокация и анатомия современной близости

18+

18+

Евгений Чёрный

Секс как стакан воды: Десять ударов по иллюзиям

«Автор»
2026

Чёрный Е.

Секс как стакан воды: Десять ударов по иллюзиям / Е. Чёрный — «Автор», 2026

Фраза «секс как стакан воды» известна более ста лет. Её приписывают разным движениям, но эта книга не о сексе в привычном глянцевом смысле.Десять сокрушительных ударов по иллюзиям XXI века:* по коммерческому бодипозитиву, который стал принудительной обязанностью быть сексуальным в любом весе;* по бюрократии согласия, убивающей эротическую спонтанность;* по падению мужского либидо в эпоху обилия порно;* по неврозу обязательной женской оргазмичности;* по алгоритмам Tinder, уничтожившим романтическую случайность.Книга злит разные стороны, потому что не оправдывает их ожиданий. Она для тех, кто хочет думать, а не утешаться. Жажда — доказательство жизни. Пора научиться пить чистую воду без осадка стыда.

© Чёрный Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Десять ударов по иллюзиям: философская провокация и анатомия современной близости 5
Издательское предисловие автора: Книга, которую не хотели издавать 6
Пролог: Стакан воды и метафизика жажды 7
Глава 1. Миф о стакане воды: от Александры Коллонтай к рыночному конвейеру 11
Глава 2. Рынок плоти: как сексуальность стала главным товаром позднего капитализма 15
Глава 3. Капкан бодипозитива: от борьбы за права к принудительной сексуализации 19
Глава 4. Цифровой эксгибиционизм: селфи, OnlyFans и продажа взгляда 23
Глава 5. Юридизация флирта: как страх убил полутона и спонтанность 26
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Евгений Чёрный
Секс как стакан воды:
Десять ударов по иллюзиям

Десять ударов по иллюзиям: философская провокация и анатомия современной близости

Автор: Евгений Чёрный Возрастной рейтинг: 18+ (содержит откровенный анализ сексуальности и человеческих отношений) Год издания: 2026

Издательское предисловие автора: Книга, которую не хотели издавать

Эта книга рождалась в атмосфере глухого сопротивления. Когда я впервые представил концепцию «Десяти ударов по сексуальным иллюзиям» на издательских питчингах, реакция редакторов была предсказуемо испуганной: «Евгений, вы сошли с ума! Вы одновременно атакуете и консерваторов, и либералов, и феминисток, и маскулистов, и секс-коучей! Кто будет целевой аудиторией этой книги? Против кого мы дружим?».

Я ответил: мы не дружим против кого-то. Мы пишем для тех редких, мыслящих, взрослых людей, которые смертельно устали от идеологического вранья с обеих сторон баррикад. Для тех, кто не верит ни в слащавые сказки о патриархальном рае, ни в лицемерные обещания коммерческого секс-просвета. Для тех, кто хочет честно понять: почему в эпоху, когда секс доступен в один клик, человечество чувствует себя более одиноким, несчастным и сексуально истощенным, чем когда-либо в истории?

Перед вами: не руководство по эксплуатации партнера и не сборник моральных поучений. Это хирургический инструмент. Это зеркало, поднесенное к лицу современной культуры. Вы можете разбить это зеркало, но лицо эпохи от этого не изменится. Читайте медленно. Спорьте, сомневайтесь, ищите ответы в собственном опыте. И помните: правда всегда исцеляет, даже если сначала она причиняет острую боль.

Пролог: Стакан воды и метафизика жажды

Вспомните древнегреческий миф о царе Тантале, осужденном богами на вечные муки в Тартаре. Тантал стоял по горло в чистейшей прохладной воде, а над его головой склонялись ветви, отягощенные спелыми гранатами и инжиром. Но стоило ему наклонить голову, чтобы сделать глоток, как вода уходила в землю, оставляя под ногами лишь сухой ил; стоило ему протянуть руку к плодам, как ветер уносил ветви в облака.

Современное общество потребления превратило каждого из нас в Тантала. Мы окружены океаном эротических стимулов, миллионами обнаженных тел на экранах и обещаниями легкого наслаждения. Но в тот момент, когда мы пытаемся припасть к источнику, вода исчезает, оставляя во рту лишь привкус сухого песка и одиночества. Наша книга: это попытка разбить танталово проклятие и наконец-то напиться по-настоящему.

Вспомните древнегреческий миф о царе Тантале, осужденном богами на вечные муки в Тартаре. Тантал стоял по горло в чистейшей прохладной воде, а над его головой склонялись ветви, отягощенные спелыми гранатами и инжиром. Но стоило ему наклонить голову, чтобы сделать глоток, как вода уходила в землю, оставляя под ногами лишь сухой ил; стоило ему протянуть руку к плодам, как ветер уносил ветви в облака.

Современное общество потребления превратило каждого из нас в Тантала. Мы окружены океаном эротических стимулов, миллионами обнаженных тел на экранах и обещаниями легкого наслаждения. Но в тот момент, когда мы пытаемся припасть к источнику, вода исчезает, оставляя во рту лишь привкус сухого песка и одиночества. Наша книга: это попытка разбить танталово проклятие и наконец-то напиться по-настоящему.

Немецкий философ Артур Шопенгауэр в своем знаменитом трактате «Метафизика половой любви» высказал одну из самых безжалостных истин о природе человеческой страсти. Шопенгауэр утверждал: то, что влюбленный романтически воспринимает как высшее, уникальное сродство душ и судьбоносную встречу, в реальности представляет собой изощренную уловку Мировой Воли. Слепая космическая сила, стремящаяся к бесконечному воспроизводству вида, надевает на индивидуальный разум сияющие очки иллюзии.

Природа заставляет человека верить, будто обладание конкретной женщиной или конкретным мужчиной принесет ему вечное блаженство. Но как только цель достигнута, как только соитие совершилось и биологический долг перед продолжением рода уплачен, волшебный морок мгновенно рассеивается. Человек с изумлением обнаруживает себя у разбитого корыта прежней пустоты. Вся поэзия страсти была лишь приманкой на крючке эволюции.

Более того, биология человека обладает уникальной странностью, отличающей нас от всех остальных млекопитающих планеты. У большинства животных половая активность жестко привязана к периодам эструса (течки): самка привлекает самца лишь несколько дней в году, когда ее организм готов к оплодотворению. У человека же скрытая овуляция и постоянная рецептивность сформировали уникальный феномен: сексуальность отделилась от прямого размножения и превратилась в главный клей социальной коммуникации, в инструмент снятия групповой агрессии и в источник экзистенциального смысла. Именно эта двойственность: между животным инстинктом и культурным знаком: делает человеческую жажду неисчерпаемой.

Вспомните концепцию Жоржа Батая, сформулированную им в бессмертной работе «Эротизм»: человек отличается от животного тем, что его сексуальная жизнь всегда сопряжена с осознанием смерти и нарушением запрета. Эрос по Батаю: это не продолжение рода и не гигиена, это священное безумие, попытка преодолеть невыносимую изоляцию отдельного смертного существования через растворение в Другом. В соитии человек прикасается к бездне небытия, испытывая одновременно священный ужас и неземной восторг.

Когда мы пытаемся низвести этот космический экстаз до уровня стакана воды из кулера в опенспейсе, мы не освобождаем человека: мы кастрируем его дух. Мы лишаем страсть ее трагической и возвышающей глубины. Человек не может удовлетвориться стерильной физиологией, потому что в глубине его сознания всегда живет память о священном огне. Превратив секс в функциональный сброс стресса наравне с походом в тренажерный зал или вечерней пиццей, мы получили поколение, страдающее от глубочайшей эмоциональной анестезии.

Рассмотрим подробнее парадокс Жака Лакана о трех регистрах психики: Реальном, Воображаемом и Символическом. Биологическая потребность в воде принадлежит к регистру Реального: это чистая нехватка на уровне клеток, осмотическое давление плазмы крови, запускающее сигнал в гипоталамус. Но как только мы переходим к сексуальности, мы немедленно проваливаемся в регистр Символического. Тело перестает быть просто биологией: оно становится текстом, на котором общество пишет свои законы, табу и прейскуранты.

Человек не может просто подойти к другому человеку и сказать: «У меня жажда, налей мне воды». Потому что за этим простым физиологическим действием немедленно встает призрак Воображаемого: образ собственного «я», страх показаться смешным, неуклюжим или недостойным. Мы жаждем не столько физического прикосновения, сколько символического признания. Секс в человеческой культуре всегда был и остается способом ответить на фундаментальный экзистенциальный вопрос: «Существую ли я? Любим ли я? Имеет ли мое бытие оправдание перед лицом холодной пустоты космоса?».

Именно поэтому любая попытка свести интимность к примитивной гигиене, к пресловутому стакану воды, неизбежно терпит сокрушительное фиаско. Пытаясь избавиться от сложности, мы выбрасываем вместе с водой самого человека. Но и попытка превратить постель в храм священного трепета, где каждый вздох карается вечным адом, калечит человеческую душу не меньше. Наша задача в этой книге: пройти по лезвию бритвы между вульгарным биологизмом и лицемерным спиритуализмом.

Жажда не спрашивает разрешения у человеческой совести. Она приходит внезапно, среди душного июльского полудня, когда раскаленный асфальт дрожит перед глазами, тяжелый воздух пахнет жженой резиной и пылью, а пересохшее горло сжимается от единственного спазма. В эту секунду все социальные роли, университетские дипломы, банковские счета и философские сомнения мгновенно теряют значение. Человек превращается в биологическую антенну, настроенную на поиск спасительной влаги. Когда перед вами появляется граненый стакан ледяной воды, запотевший от холода, вы берете его дрожащими пальцами, жадно прижимаете к запекшимся губам и пьете до самого дна.

В момент этого спасительного глотка нет ни капли метафизики. Нет сомнений в собственной праведности, нет тоски по идеалу, нет подсчета моральных очков перед вечностью. Существует только живая клетка, требующая утоления первичной биологической нужды. Это самый чистый, честный и естественный акт, на который способен земной организм. В нем нет вины, нет ревности, нет необходимости составлять нотариально заверенные соглашения или каяться перед священником.

Но теперь попробуйте задать себе простой и беспощадный вопрос: почему человечество категорически отказывается относиться к сексуальному желанию с точно такой же спокойной естественностью? Ведь в основе своей половое влечение представляет собой точно такой же природный импульс, продиктованный миллионами лет эволюции: биохимический прилив, накопление телесного напряжения и потребность в его физиологической разрядке. Однако человек оказался единственным существом во всей биосфере, сумевшим превратить простой стакан воды в лабиринт из священного ужаса, чувства вины, религиозных проклятий, маркетинговых уловок и судебных разбирательств.

Ни один лесной зверь не краснеет, склоняясь к лесному роднику. Волк не испытывает экзистенциального кризиса, размышляя, достаточно ли он духовен для того, чтобы припасть

к ручью. Дерево не терзается стыдом, впитывая влагу корнями после тяжелой грозы. Только человеческое существо окружило природный источник тысячами запретных знаков, колючей проволокой и ценниками. Мы разделили жажду на греховную и благочестивую, на разрешенную штампом в паспорте и преступную, на статусную и маргинальную.

Вспомните собственное детство: первые пробуждения телесного интереса почти у каждого ребенка сопровождаются тяжелым окриком взрослых, испуганным шепотом или ледяным взглядом стыда. Мы рождаемся в культуре, где источник воды объявлен ядовитым колодцем. Ребенку внушают, что его руки, касающиеся собственного тела, совершают преступление против невидимого вселенского порядка. И этот детский страх никуда не уходит с получением паспорта: он просто мутирует, превращаясь во взрослый комплекс неполноценности, в тревожную бессонницу и неспособность расслабиться в объятиях любимого человека.

Мыслители спорят об этой аномалии уже третье тысячелетие. Платон в диалоге «Пир» поэтически объяснял влечение тоской души по утраченной андрогинной целостности: некогда боги разрубили единых людей пополам, и с тех пор каждая половинка слепо бродит по земле, надеясь слиться с утраченной частью себя. Семнадцатый век ответил на этот миф строгой математической логикой Бенедикта Спинозы. В своей бессмертной «Этике» Спиноза безжалостно сформулировал аксиому: «Желание есть сама сущность человека». Это фундаментальное стремление всякой вещи пребывать в своем бытии, сила витальности, без которой разум угасает, а тело превращается в прах.

Затем в двадцатом веке появился французский психоаналитик Жак Лакан и беспощадно разрушил наивный биологический материализм. Лакан показал: человек, в отличие от животного, никогда не имеет прямого доступа к голой природной потребности. Как только ребенок овладевает речью, его первичная нужда немедленно раскалывается на два непримиримых вектора: биологический импульс и требование безусловной любви. А между ними возникает вечно неутолимый зазор, именуемый желанием. По Лакану, желание человека: это всегда желание Другого. Нам никогда не достаточно просто выпить воду. Нам отчаянно необходимо, чтобы тот, кто держит в руках кувшин, признал наше право на жажду, взглянул на нас с вожделением и подтвердил нашу неоспоримую ценность в масштабах Вселенной.

Именно здесь пролегает исток величайшего невроза человеческой цивилизации. Превратив сексуальность в главное мерило собственной ценности, в символическую валюту признания и способ бегства от экзистенциального ужаса небытия, мы потеряли способность просто наслаждаться близостью. Тот, кто годами запрещает себе пить, убеждая себя в нечистоте природного голода, рано или поздно начинает тайком припадать к мутным городским лужам. Либо он вовсе объявляет засуху высшей духовной святостью, постепенно превращаясь в озлобленного, завистливого мертвеца, ненавидящего всякое проявление цветущей жизни вокруг себя.

Психотерапевтическая практика переполнена историями людей, чья жизнь была разрушена войной с собственной физиологией. Мужчины, годами принимающие антидепрессанты, чтобы заглушить голос плоти; женщины, испытывающие приступы паники во время интимной близости только потому, что в их голове звучит голос строгой матери: «Хорошие девочки так себя не ведут». Мы добровольно надели на себя кандалы и сделали тюремщиков своими духовными наставниками. Культура десятилетиями дрессировала нас стыдиться того единственного механизма, благодаря которому человеческий род вообще продолжает существовать на этой планете.

Эта книга написана не для того, чтобы раздавать читателям утешительные психологические поглаживания. Здесь нет советов по гармонизации чакр, нет инструкций по экзотическим позам и нет слащавых заверений в том, что вселенная непременно пошлет вам вашу идеальную половинку. Перед вами: безжалостная интеллектуальная вивисекция современных мифов о сексуальности. Мы последовательно нанесем десять сокрушительных ударов по самым популярным и модным иллюзиям двадцать первого века.

Мы препарируем ложь революционного освобождения, которая под видом свободы загнала человека в потребительское колесо; вскроем лицемерие коммерческого бодипозитива, превратившего естественность в навязчивый маркетинговый норматив; покажем, как новая бюрократия согласия методично убивает романтическую спонтанность; исследуем скрытую трагедию мужского бессилия в мире порнографического изобилия; препарируем женский невроз вечной оргазмичности; проанализируем алгоритмическую смерть романтики в приложениях для знакомств; заглянем в ледяное зеркало автономного самоудовлетворения; рассмотрим секс как арену беспощадной статусной борьбы; сокрушим миф о патриархальном золотом веке и, наконец, обратимся к самому вытесняемому табу современной цивилизации: угасанию, старению и неизбежности смерти.

Эта книга разозлит ханжей, потому что она срывает священные покровы с интимности и говорит о теле на языке анатомической и социологической правды. Но она ничуть не меньше разозлит и прогрессивных сексологов, потому что она обнажает скрытые механизмы манипуляции, спрятанные за фасадом современного просвещения. Мы не предлагаем готовых рецептов спасения. Мы предлагаем трезвую оптику. Жажда: это верный знак того, что сердце еще качает горячую кровь. Пришло время честно взглянуть в лицо собственному желанию.

Глава 1. Миф о стакане воды: от Александры Коллонтай к рыночному конвейеру

В русском языке слово «товарищ» исторически означало соратника по совместному ремеслу или опасному торговому походу. Советская попытка превратить любовников в «товарищей по ячейке» натолкнулась на глубинное сопротивление языка. Любовь не может быть просто товариществом: в ней всегда есть стихия тайны, безумия и священного эгоизма двоих, отделяющих себя от всего остального мира. Пытаясь подчинить спальню парткому, советская власть лишь доказала, что живое человеческое чувство сильнее любых идеологических доктрин.

В русском языке слово «товарищ» исторически означало соратника по совместному ремеслу или опасному торговому походу. Советская попытка превратить любовников в «товарищей по ячейке» натолкнулась на глубинное сопротивление языка. Любовь не может быть просто товариществом: в ней всегда есть стихия тайны, безумия и священного эгоизма двоих, отделяющих себя от всего остального мира. Пытаясь подчинить спальню парткому, советская власть лишь доказала, что живое человеческое чувство сильнее любых идеологических доктрин.

Для глубокого проникновения в генезис метафоры необходимо обратиться к идейной атмосфере русской литературы эпохи шестидесятников девятнадцатого века. Публицист Дмитрий Писарев и критик Николай Добролюбов вели яростную войну против дворянского романтизма и усадебной сентиментальности. Роман Николая Чернышевского «Что делать?», написанный в застенках Петропавловской крепости, стал настольной библией нескольких поколений революционеров.

Четвертый сон Веры Павловны рисовал величественную утопию будущего: хрустальные дворцы, свободный совместный труд и гармоничную любовь равных личностей, где ревность признается постыдным собственническим пережитком. Но Чернышевский был трезвым мыслителем: он никогда не сводил любовь к животной потребности. Трагедия произошла тогда, когда экзальтированные последователи нигилизма выбросили из учения духовную основу, оставив лишь примитивный материализм Базарова из тургеневских «Отцов и детей», утверждавшего, что человек: это лишь анатомический препарат, а любовь: лишь физиологическое влечение к красивому телу.

Для понимания трагедии революционного раскрепощения необходимо обратиться к опыту Веймарской Германии двадцатых годов двадцатого века. В Берлине легендарный врач и сексолог Магнус Хиршфельд основал Институт сексуальных наук (Institut für Sexualwissenschaft): первый в мире научно-исследовательский центр, занимавшийся защитой прав сексуальных меньшинств, просвещением молодежи и разработкой научной контрацепции. Веймарский Берлин бурлил авангардными клубами, нудистскими обществами и свободной любовью.

Однако австрийский психоаналитик Вильгельм Райх в своих трудах «Сексуальная революция» и «Психология масс и фашизм» обратил внимание на зловещую закономерность: поверхностное сексуальное раскрепощение без глубокой трансформации авторитарной семейной структуры ничуть не мешает приходу фашизма. Райх доказал, что сексуально фрустрированный, запуганный обыватель с жестким «мышечным панцирем» является идеальным материалом для тоталитарной диктатуры.

Когда в 1933 году нацисты пришли к власти, их первым символическим актом стал разгром Института Хиршфельда: нацистские штурмовики вытащили из здания архивы и сожгли на площади десятки тысяч уникальных научных книг. Гитлеровский режим мгновенно загнал

сексуальность в прокрустово ложе расовой гигиены и государственной евгеники. Этот исторический урок напоминает нам: свобода тела никогда не бывает окончательной победой. Она требует постоянной защиты от фанатиков любого толка.

Исторический опыт Советской России 1920-х годов оставил нам потрясающее литературное свидетельство этой драмы в романе Сергея Малашкина «Луна с правой стороны», вызвавшем в свое время грандиозный общественный скандал. Малашкин описал быт коммунистической молодежи без прикрас: разврат, выдаваемый за партийную сознательность, циничное использование молодых девушек старшими товарищами по профсоюзу и полная душевная опустошенность героев. Книга подверглась яростным нападкам критики именно за то, что показала голую правду: разрушение традиционной морали без создания новой высокой духовной культуры неизбежно ведет к моральному разложению.

Вульгарный социологизм пытался свести тончайшие душевные движения к классовой борьбе и производственным отношениям. Но человеческое сердце отказалось подчиняться резолюциям губкомов. Ревность, тоска, потребность в верности и жажда исключительной любви продолжали жить даже под сводами фабричных казарм, взрывая изнутри механические схемы теоретиков революционного быта.

Вспомните знаменитую повесть Александры Коллонтай «Любовь трех поколений», опубликованную в 1923 году в альманахе «Молодая гвардия». Главная героиня, молодая комсомолка Женя, искренне не понимает душевных метаний своей матери: Женя легко сходится с мужчинами, спит с отчимом просто потому, что «он ей понравился и захотелось близости», и категорически отрицает любую эмоциональную привязанность. Коллонтай не идеализировала Женю: она с тревогой исследовала этот новый тип советской женщины, в которой революционная беспощадность к старому быту выжгла способность к глубокому сопереживанию.

Коллонтай видела в этом душевном уплощении огромную опасность для нового строя. Она писала о том, что сексуальное бессилие и эмоциональная глухота неизбежно перекинутся на общественную жизнь. Человек, не способный на нежность к близкому, не способен на подлинную солидарность с коллективом. В архивах Женотдела сохранились тысячи писем простых работниц, которые умоляли партию защитить их от комсомольцев, объявлявших беременность «личным буржуазным делом женщины» и бросавших матерей-одиночек без копейки денег.

Советский опыт наглядно доказал: когда половая жизнь объявляется простым физиологическим актом, слабейший в этой системе: а исторически это почти всегда была женщина с ребенком: оказывается абсолютно раздавлен и беззащитен. Природа не знает равенства: беременность, роды и вскармливание несут колоссальную биологическую нагрузку, которую невозможно отменить декретом Совнаркома. Игнорирование этой фундаментальной асимметрии под лозунгами свободы оборачивается жесточайшей эксплуатацией.

Самая совершенная форма рабства наступает в тот момент, когда цепи на руках заключенного начинают звенеть марсельезой освобождения. Когда человеку внушают, будто каждый шаг в сторону разрушения старых табу делает его суверенным повелителем собственной судьбы, он перестает замечать, как на его шею надевают новый, куда более технологичный ошейник.

Крылатая фраза о том, что удовлетворить половую потребность в новом обществе должно быть так же просто, как выпить стакан воды, циркулирует в европейской и русской публицистике уже второе столетие подряд. Массовое историческое сознание прочно закрепило авторство этого афоризма за фигурой Александры Михайловны Коллонтай: пламенной большевички, народной комиссарки государственного призрения, чрезвычайной посланницы Советской республики в Скандинавии и первой женщины-дипломата в мировой истории. Образ раскрепощенной валькирии революции, призывающей комсомолок отдаваться товари-

щам по первому требованию классовой солидарности, стал излюбленным штампом как белогвардейской эмигрантской публицистики, так и позднейших антисоветских памфлетов.

Однако архивные документы и подлинные тексты свидетельствуют об обратном: Александра Коллонтай никогда не являлась автором этой плоской метафоры. В действительности происхождение формулы уходит корнями в западноевропейскую литературу девятнадцатого века. Схожие мысли о стакане воды высказывала французская писательница Жорж Санд, рассуждая о свободе женской страсти от буржуазного матримониального контракта; аналогичные сентенции встречаются в переписке немецких социал-демократов и в памфлетах русских нигилистов шестидесятых годов девятнадцатого века, группировавшихся вокруг журнала «Русское слово» и проповедовавших вульгарный физиологический материализм.

Что же на самом деле утверждала сама Коллонтай? В своих программных теоретических трудах «Дорогу крылатому Эросу!», «Тезисы о коммунистической морали в области брачных отношений» и в повести «Любовь пчел трудовых» она развивала принципиально иную философскую концепцию. Коллонтай видела в буржуазной семье девятнадцатого века страшную систему институционализированного рабства, где женщина, лишенная гражданских прав и экономической самостоятельности, была вынуждена пожизненно продавать свое тело законному супругу в обмен на кров, пищу и социальный статус. Брак викторианской эпохи представлял собой узаконенную форму пожизненной проституции, скрепленную церковным таинством.

В качестве альтернативы этой собственнической модели Коллонтай предлагала концепцию «любви-товарищества». В ее представлении сексуальный союз между мужчиной и женщиной нового социалистического строя должен был базироваться на трех нерушимых принципах: абсолютном взаимном признании прав личности, полном отказе от чувства феодальной собственности на тело партнера и товарищеской солидарности в совместном созидательном труде. Коллонтай прямо предупреждала об опасности бескрылого, сугубо плотского эротизма, низводящего сложнейшую душевную сферу человека до примитивного акта выделения и разрядки.

Тем не менее, в бурные годы военного коммунизма и НЭПа массовое сознание молодежи восприняло революционные идеи именно в самом примитивном, вульгарном преломлении. Молодые рабочие и студенты рабфаков, вырванные вихрем Гражданской войны из глухих патриархальных деревень и брошенные в полуразрушенные города, оказались в ситуации абсолютного ценностного вакуума. Старая религиозная мораль была объявлена контрреволюционным пережитком, а новая социалистическая культура еще не успела кристаллизоваться. В Москве, Петрограде и Харькове возникли знаменитые молодежные коммуны, провозглашавшие обобществление быта, отмену личной собственности и открытый доступ к интимной близости под лозунгами «долой стыд». Молодые люди собирались на публичные диспуты, где с пеной у рта доказывали, что ревность есть буржуазный предрассудок, недостойный строителя светлого будущего.

Историк Наталья Лебина в своих фундаментальных исследованиях повседневности советской России двадцатых годов приводит потрясающие документы той эпохи. В анкетах коммунистической молодежи студенты открыто писали: «Отказ комсомолки удовлетворить половое влечение товарища по ячейке рассматривается как буржуазная спесь и мещанство». Интимность была десакрализована до уровня перекура между лекциями по политэкономии. Но очень скоро выяснилось: человек не может существовать в режиме чистого функционального механизма. Начались трагедии: волна самоубийств среди брошенных студенток с новорожденными младенцами на руках, эпидемия венерических заболеваний, захлестнувшая крупные города, и дикое психологическое истощение участников этих радикальных экспериментов.

Эта волна физиологического анархизма вызвала жесткую реакцию партийного руководства. Широко известен исторический диалог между Владимиром Лениным и немецкой ком-

мунисткой Кларой Цеткин, состоявшийся осенью 1920 года. Ленин подверг теорию стакана воды уничтожающей критике. Он заявил: «Я считаю знаменитую теорию стакана воды совершенно немарксистской и сверх того противообщественной. В половой жизни проявляется не только данное природой, но и привнесенное культурой, будь оно возвышенно или низменно. Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улицу в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана, край которого захватан десятками губ? Но самое главное: это общественная сторона. Питье воды действительно индивидуально. Но в любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу». Ленин, будучи прагматичным государственным строителем, отчетливо понимал: общество, скатившееся в промискуитет и отрицание всяких культурных фильтров, не способно выдержать напряжение индустриальной мобилизации.

К началу тридцатых годов советское руководство окончательно осознало: хаотическая половая жизнь молодежи разрушает трудовую дисциплину и подрывает основы государственного планирования. Партия сделала крутой вираж. Были сформулированы так называемые «Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата», автором которых стал видный советский психолог и педолог Арон Залкинд. В этих заповедях черным по белому провозглашалось: половая жизнь должна начинаться как можно позже, половой акт должен совершаться исключительно с целью продолжения рода, а вся неизрасходованная сексуальная энергия рабочего класса обязана целиком сублимироваться в строительство социализма и выполнение пятилетних планов.

Уже к середине тридцатых годов, с окончательным утверждением сталинской командно-административной системы, советский сексуальный эксперимент был полностью ликвидирован. Тоталитарному государству требовалась железная дисциплина, послушная рабочая сила и максимальный демографический рост. В 1936 году в СССР были законодательно запрещены аборты, бракоразводный процесс превратился в сложнейшее судебное мытарство с обязательным покаянием перед партийной ячейкой, а тема секса была вычеркнута из общественной повестки на долгие десятилетия. Интимная жизнь советского гражданина оказалась под строжайшим надзором партийных комитетов, товарищеских судов и ханжеской официальной пропаганды.

Этот исторический кульбит наглядно демонстрирует фундаментальную закономерность: любая авторитарная государственная система испытывает панический, животный страх перед автономной сексуальностью своих подданных. Государство терпит интимность только в строго отведенном загоне, где она служит воспроизводству населения и трудовых ресурсов. Свободная, спонтанная страсть непредсказуема, анархична и антигосударственна по самой своей природе. Она создает между двумя людьми непроницаемое личное убежище, куда не имеют доступа ни участковый инспектор, ни партийный куратор. Поэтому тоталитаризм всегда стремится либо наложить на эрос тяжелые пуританские оковы, либо сублимировать его в коллективный экстаз военных парадов и строек века.

Но трагедия современного человека заключается в том, что крушение традиционных запретов вовсе не привело нас в царство обещанной свободы. В двадцать первом веке стакан воды никуда не исчез: он просто сменил стеклянную советскую грань на пластиковый стаканчик из вендингового автомата глобальной транснациональной корпорации. Мы избавились от надзора парткомов и святых отцов только для того, чтобы добровольно сдаться в рабство маркетологам, таргетологам и алгоритмам цифровых платформ. Вместо освобождения мы получили стандартизированный конвейер плоти, где каждый вздох взвешен на весах потребительской стоимости.

Глава 2. Рынок плоти: как сексуальность стала главным товаром позднего капитализма

Шошана Зубофф ввела в научный оборот понятие «инструментарной власти»: власти, которая не подавляет человека насилием, а мягко модифицирует его поведение через алгоритмические стимулы и персонализированные подсказки. В интимной сфере инструментарная власть корпораций формирует наши эротические сценарии еще до того, как мы успеваем их осознать. Мы думаем, что выбираем по велению сердца, но наш выбор заранее предсказан и срежиссирован алгоритмом.

Шошана Зубофф ввела в научный оборот понятие «инструментарной власти»: власти, которая не подавляет человека насилием, а мягко модифицирует его поведение через алгоритмические стимулы и персонализированные подсказки. В интимной сфере инструментарная власть корпораций формирует наши эротические сценарии еще до того, как мы успеваем их осознать. Мы думаем, что выбираем по велению сердца, но наш выбор заранее предсказан и срежиссирован алгоритмом.

Французские мыслители Жиль Делез и Феликс Гваттари в своем скандальном труде «Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения» ввели фундаментальное понятие «желающего производства» (production désirante). Делез и Гваттари доказали: желание человека не является реакцией на нехватку или дефицит; желание: это первичная созидательная энергия, фабрика смыслов и потоков.

Однако капиталистическая машина обладает чудовищным механизмом «аксиоматизации»: она перехватывает свободные потоки желания, кодирует их в терминах частной собственности и направляет в искусственные русла потребительского спроса. Капитал убеждает нас в том, что наша жажда может быть утолена лишь покупкой очередного статусного суррогата. Мы желаем не женщину или мужчину: мы желаем образ, упакованный в рекламный ролик корпорации. Мы производим прибыль для системы, наивно полагая, будто реализуем собственные сокровенные инстинкты.

Американская исследовательница Барбара Эренрейх в своей классической книге «Сердца мужчин: бегство от брака» проследила, как в послевоенной Америке сформировался новый альянс между капиталистическим потреблением и сексуальной свободой. Основатель журнала Playboy Хью Хефнер совершил гениальную операцию: он освободил мужчину от чувства вины за отказ от роли благопристойного семьянина.

Хефнер создал образ «холостяка в роскошных апартаментах»: мужчины, который пьет дорогой скотч, слушает джаз на новейшей стереосистеме и коллекционирует доступных красоток без намерения жениться. Быть потребителем стало почетно, а секс превратился в такую же статусную игрушку, как спортивный кабриолет. Капитализм осознал, что одинокий гедонист оставляет в магазинах в три раза больше денег, чем глава многодетного семейства.

В двадцать первом веке эта модель достигла абсолютного апогея в концепции так называемого «эстетического труда». Корпорации открыто требуют от сотрудников: продавцов-консультантов, фитнес-тренеров, стюардесс, официантов: непрерывного инвестирования в собственную сексуальную привлекательность. Тело работника должно излучать скрытое эротическое обещание, стимулирующее клиента раскошелиться. Мы превратились в витрины собственного либидо, несущие вахту на бесконечном конвейере продаж.

Вспомните знаменитую работу американского социолога Евы Иллуз «Почему любовь ранит», где она детально исследует трансформацию романтических чувств в эпоху позднего капитализма. Иллуз вводит понятие «эмоционального капитализма»: состояния культуры, в котором эмоциональные и экономические дискурсы взаимно формируют друг друга. Любовь

перестала быть стихийным даром судьбы; она стала объектом калькуляции, инвестиций и оценки рисков.

Мы оцениваем потенциального партнера точно так же, как венчурный инвестор оценивает стартап на ранней стадии: какова капитализация его внешности, каков кредитный рейтинг его социального статуса, какова эмоциональная рентабельность вложений нашего драгоценного времени? В этой рыночной логике нет места бескорыстной жертвенности и преданности. Любые отношения рассматриваются как временный контракт, подлежащий немедленному расторжению, как только на горизонте появляется более выгодный и эмоционально менее затратный актив.

Обратите внимание на статистику мировой эстетической хирургии и косметологии за последнее десятилетие. По данным Международного общества эстетической пластической хирургии (ISAPS), количество интимных пластических операций: лабиопластики, фаллопластики, липофилинга половых губ: выросло более чем на четыреста процентов. Миллионы абсолютно здоровых молодых людей ложатся под хирургический скальпель только потому, что их естественные анатомические органы не соответствуют отретушированным кадрам из фильмов категории для взрослых.

Фармацевтические концерны тратят миллиарды долларов на агрессивный маркетинг новых диагнозов. Если раньше временное снижение полового влечения у женщины на фоне хронического недосыпа, ухода за младенцем или стресса на работе считалось нормальной реакцией утомленного организма, то сегодня этот естественный спад называют «гипоактивным расстройством сексуального желания» (HSDD) и предлагают лечить ежедневным приемом психотропных таблеток вроде флибансерина.

Человека методично убеждают в том, что его биология неисправна, если она не производит оргазмы с регулярностью швейцарских часов. Мы стали заложниками биомедицинского империализма, где естественные ритмы покоя, угасания и созерцания объявлены патологией, подлежащей немедленной медикаментозной коррекции.

Французский социолог и философ Мишель Фуко в первом томе своей «Истории сексуальности», носящем подзаголовок «Воля к знанию», сформулировал тезис, который до сих пор звучит как пощечина наивным апологетам либерального прогресса. Фуко доказал: буржуазное общество Нового времени никогда не занималось простым замалчиванием или механическим подавлением сексуальности. Напротив, начиная с конца семнадцатого века европейская цивилизация развернула колоссальный аппарат по непрерывному производству дискурса о поле.

Власть Нового времени: это власть биополитическая. Ее главная цель заключается не в том, чтобы отрубать головы непокорным подданным, как это делали средневековые суверены, а в том, чтобы скрупулезно управлять биологической жизнью населения: контролировать рождаемость, уровень заболеваемости, продолжительность жизни и интенсивность репродуктивного цикла. Для этого сексуальность требовалось вывести из сумрака спальни, тщательно классифицировать, обмерить, описать в медицинских трактатах и превратить в инструмент тотального учета и надзора.

В эпоху позднего глобального капитализма этот механизм вышел на совершенно иной, планетарный масштаб. Если промышленному капитализму девятнадцатого века от человека требовалась исключительно его грубая мускульная сила, способная вращать заводские маховики и разгружать вагонетки с углем, то постиндустриальному обществу спектакля требуется вся эмоциональная и физиологическая сущность человека. Капитализм осознал: самое мощное, ненасытное и неисчерпаемое топливо потребительского спроса: это человеческое либидо.

Вспомните шестидесятые годы двадцатого века в Западной Европе и США. Молодежные бунты, движение хиппи, лозунги студенческих демонстраций в Париже в мае 1968 года: «Запрещать запрещено!», «Вся власть воображению!». Молодому поколению казалось, что сбросив оковы католического ханжества, отказавшись от буржуазных приличий и начав сво-

бодно любить друг друга на газонах кампусов, они наносят смертельный удар по самому сердцу империалистической системы. Революционеры всерьез верили, что эрос разрушит цитадели мирового капитала.

Но капиталистическая система оказалась куда умнее, гибче и циничнее своих наивных критиков. Капитал обладает уникальным свойством: он не вступает в лобовое противостояние с бунтом, он ассимилирует протест, переваривает его бунтарский пафос и превращает бунт в модную товарную линейку. Уже к середине семидесятых годов сексуальная революция была аккуратно упакована, снабжена штрих-кодом и выставлена на продажу в крупнейших торговых центрах.

С этого момента сексуальность перестала быть внутренним интимным переживанием и окончательно оформилась в качестве важнейшей производительной силы. Корпорации поняли: запуганный, закомплексованный и неуверенный в своей привлекательности человек: это идеальный покупатель. Ему можно бесконечно продавать спасение от собственной мнимой неполноценности. Возникла гигантская индустрия красоты и соблазнения: фитнес-центры с неоновыми вывесками, пластическая хирургия, антивозрастная космецевтика, солярии, бутики эротического белья и парфюмерные бренды, торгующие иллюзией мгновенного обольщения.

Французский социолог Жан Бодрийяр в своей работе «Общество потребления» блестяще показал: тело в современном мире превратилось в прекраснейший из потребительских объектов. Оно больше не принадлежит человеку как природная данность; оно функционирует как экономический капитал, требующий непрерывных инвестиций и приносящий дивиденды в виде социального статуса и сексуального признания. Если ваше тело дрябло, бледно и не подтянуто, вы совершаете экономическое преступление против самих себя: вы роняете свою рыночную стоимость на брачной бирже.

В конце девяностых годов на мировой фармацевтический рынок ворвалась Виагра, ознаменовав собой окончательную победу технократического взгляда на человеческую плоть. То, что веками считалось тончайшим психоэмоциональным резонансом между двумя любящими сердцами, сложной игрой настроений, доверия и усталости, было мгновенно сведено к гидравлической функции пещеристых тел. Эрекция стала технологическим стандартом качества. Если у мужчины возникли естественные сомнения, переживания или элементарная человеческая усталость, современная медицина больше не предлагает ему задуматься о своей жизни: она предлагает ему синюю таблетку, гарантирующую механическую готовность к соитию независимо от душевного состояния.""ядовитый

Одновременно с этим сформировалась новая жестокая этика: обязанность непрерывного эротического успеха. Немецко-корейский философ Бён-Чхоль Хан в своих трудах об обществе достижений великолепно описал этот переход: современный человек больше не подчиняется внешнему господину с кнутом, он сам превратился в безжалостного эксплуататора самого себя. В постели воцарился культ эффективности. Появились популярные руководства, подробно разъясняющие, сколько минут должна длиться прелюдия, сколько оргазмов обязана испытать женщина за один акт и сколько калорий должен сжечь партнер во время полового акта.

Если современный человек не ведет регулярную, изобретательную и головокружительную половую жизнь, алгоритмы общественного мнения немедленно записывают его в категорию лузеров. Секс перестал быть отдыхом и праздником; он превратился во вторую рабочую смену, в тяжелый нормативный труд по подтверждению собственной социальной адекватности. Мы не расслабляемся в постели: мы сдаем экзамен на профпригодность перед невидимой комиссией из глянцевых стандартов.

Вершиной этой капиталистической эволюции плоти стало триумфальное шествие сервиса OnlyFans и подобных ему платформ монетизации интимного контента. Общественные комментаторы наперебой называют это явление наивысшей точкой женской эмансипации:

подумайте сами, женщина больше не зависит от патриархального мужа-добытчика, не подвергается эксплуатации на уличной панели и не подчиняется продюсерам порностудий! Она сидит в безопасности собственной спальни, делает откровенные снимки и зарабатывает десятки тысяч долларов в месяц, владея всеми правами на собственный бренд.

Но за этим парадным фасадом скрывается чудовищная правда о возникновении нового цифрового пролетариата. Миллионы молодых девушек по всему миру оказываются втянуты в беспощадную гонку за внимание анонимной сетевой толпы. Чтобы удержать платных подписчиков, создательница контента вынуждена идти на все более экстремальные формы обнажения, круглосуточно отвечать на навязчивые сообщения незнакомцев и имитировать персональную влюбленность перед сотнями одиноких мужчин одновременно. Ее личное пространство, ее сон, ее интимность и ее тело оказываются полностью принесены в жертву ненасытным серверным мощностям. Свобода обернулась добровольным рабством, где каждый квадратный сантиметр кожи оценен в тарифной сетке ежемесячной подписки.

Капитализм совершил гениальную операцию: он превратил саму интимность в товарный фетиш. Мы больше не принадлежим себе даже в моменты наивысшей близости. Мы мыслим категориями рентабельности, привлекательности и личного бренда. Вода в стакане перестала быть бесплатным даром природы: теперь это бутилированный напиток премиум-класса с логотипом корпорации, за глоток которого с вашей кредитной карты списывается ежемесячная абонентская плата.

Глава 3. Капкан бодипозитива: от борьбы за права к принудительной сексуализации

Шведские исследователи Карл Седерстрём и Андре Спайсер в своей книге «Синдром велнеса» описали превращение заботы о здоровье в религиозный культ позднего капитализма. Велнес стал моральным долгом: если вы не занимаетесь йогой, не пьете смузи из сельдерея и не сияете оптимизмом, общество видит в вас морального преступника. Здоровое тело стало витриной послушания, маскирующей внутреннюю пустоту и тревогу.

Шведские исследователи Карл Седерстрём и Андре Спайсер в своей книге «Синдром велнеса» описали превращение заботы о здоровье в религиозный культ позднего капитализма. Велнес стал моральным долгом: если вы не занимаетесь йогой, не пьете смузи из сельдерея и не сияете оптимизмом, общество видит в вас морального преступника. Здоровое тело стало витриной послушания, маскирующей внутреннюю пустоту и тревогу.

Американская писательница и философ Сьюзен Сонтаг в своей классической работе «Болезнь как метафора» вскрыла механизмы того, как общество нагружает чисто физиологические процессы ложными моральными и символическими смыслами. В девятнадцатом веке туберкулез романтизировался как признак тонкой духовной натуры, а в двадцатом веке рак демонизировался как наказание за подавленные эмоции.

В двадцать первом веке аналогичная метафорическая шизофрения охватила сферу веса и телосложения. С одной стороны, консервативное ханжество клеймит полноту как знак греховной лености и чревоугодия. С другой стороны, корпоративный бодипозитив пытается героизировать ожирение как акт политического сопротивления патриархату.

Оба подхода глубоко бесчеловечны, потому что оба они игнорируют реального живого человека. Ожирение: это не грех и не гражданский подвиг; это серьезное метаболическое состояние, требующее бережной медицинской заботы, нормализации сна, коррекции рациона и снижения уровня хронического стресса. Превращать болезнь в политический плакат: значит предавать людей, нуждающихся в помощи, ради удовлетворения амбиций активистов и маркетологов.

Американская писательница Наоми Вульф в своем бестселлере «Миф о красоте: как образы красоты используются против женщин» убедительно доказала: по мере того как женщины завоевывали гражданские, политические и экономические права, стандарты физической привлекательности становились все более жестокими, недостижимыми и финансово разорительными.

Когда женщина вышла на фабрики и в офисы, освободившись от домашней изоляции, система нанесла ответный удар через индустрию красоты. Энергия, которую образованная женщина могла направить на научную карьеру, политическую борьбу или литературное творчество, оказалась полностью перенаправлена на подсчет калорий, антицеллюлитный массаж и борьбу с волосками на теле.

Современный корпоративный бодипозитив не сломал эту систему: он лишь расширил круг потребителей. Если раньше комплекс неполноценности продавали только полным женщинам, заставляя их худеть, то теперь этот же комплекс продают худым, заставляя их наращивать ягодицы с помощью бразильской подтяжки (BBL). Хирургические клиники получают баснословные прибыли, перекраивая женские тела под актуальные тренды алгоритмов TikTok. Женщина остается заложницей чужого взгляда, независимо от того, уменьшает она свой желудок или вставляет силиконовые импланты.

Психотерапевты отмечают поразительный парадокс нашего времени: никогда еще в истории человечества люди не тратили столько времени, сил и денег на разговоры о принятии себя,

и никогда еще уровень ненависти к собственному отражению в зеркале не был столь высок. Появился термин «токсичный бодипозитив»: психологическое давление, при котором человек чувствует себя виноватым за то, что испытывает естественное огорчение из-за набранных за зиму килограммов или появления первых возрастных морщин вокруг глаз.

Нам запретили грустить о преходящей молодости. Нам навязывают истерический оптимизм, требующий праздновать любые телесные изменения как величайшую победу. Но искреннее принятие себя не имеет ничего общего с этим рекламным карнавалом. Принятие: это тихий, глубокий и часто печальный процесс примирения со своей конечностью, несовершенством и уязвимостью. Это способность сказать себе: «Да, мое тело несовершенно, оно стареет и болеет, но я живу в нем, забочусь о нем и не требую от него невозможного».

Посмотрите на изнанку современного рынка быстрой моды (fast-fashion). Бренды массмаркета спешно запустили линейки одежды ультрабольших размеров, сшитые из дешевой синтетики на фабриках Бангладеш руками полунищих швей. Маркетологи продают эти вещи под лозунгами бодипозитива и любви к себе, получая колоссальную маржу на тканях, которые плавятся от первой искры. Потребителю внушают: «Покупай больше, носи ярче, гордись своими формами!». Но за этим праздником инклюзивности стоит банальное стремление выжать прибыль из людей, испытывающих тяжелый эмоциональный стресс.

Клиническая медицина при этом оказывается в заложниках у политической цензуры. Врачи-кардиологи и эндокринологи на международных конгрессах в кулуарах признаются: им становится все труднее публиковать объективные исследования о метаболическом синдроме, сахарном диабете и висцеральном ожирении, не рискуя получить обвинения в дискриминации. Общественный дискурс подменил заботу о реальном здоровье агрессивным отрицанием базовых физиологических законов.

Любить свое тело: означает слышать его тихие сигналы боли, беречь его суставы, питать его качественной пищей и давать ему отдых. Но современный глянец требует прямо противоположного: превратить тело в громкий манифест, прикрывающий глубокую внутреннюю боль и одиночество слоем яркой помады и крикливыми хэштегами.

Всякая революционная идея, зародившаяся в огне искреннего человеческого страдания, неизбежно проходит процесс циничной институционализации. Когда искренний бунт против несправедливости захватывают рекламные отделы глобальных корпораций, первоначальный освободительный пафос выворачивается наизнанку, превращаясь в новое орудие психического террора.

Истоки движения, которое сегодня принято называть бодипозитивом, уходят в бурлящий котел американских шестидесятых годов двадцатого века. В 1967 году нью-йоркский радиоведущий Стив Пост организовал первую в истории демонстрацию полных людей в Центральном парке Манхэттена под лозунгом «Fat Pride». Вскоре после этого возникла радикальная феминистская организация Fat Underground, манифест которой звучал как набат: общество потребления осуществляет систематический геноцид людей, чьи тела не вписываются в искусственно навязанные стандарты худобы.

Это была подлинная, тяжелая борьба за базовые гражданские права. Полные люди, в особенности женщины, сталкивались с чудовищной институциональной дискриминацией: им систематически отказывали в приеме на работу, врачи в поликлиниках списывали любые симптомы, от пневмонии до переломов, на лишний вес и отказывались проводить полноценную диагностику, общественный транспорт и авиалинии конструировали кресла, физически унижающие крупных пассажиров, а индустрия моды демонстративно игнорировала размеры больше сорок шестого.

Ранний бодипозитив стоял на предельно ясном и благородном гуманистическом фундаменте: человеческое тело обладает абсолютной самоценностью и неотъемлемым достоинством вне зависимости от его веса, роста, формы, наличия шрамов, ампутаций или генетических

особенностей. Каждый гражданин имеет священное право жить в безопасности, лечиться без унижения и не подвергаться травле за свой внешний вид. Никто не обязан быть худым, чтобы заслуживать уважения.

Однако на рубеже тысячелетий этот благородный протест попал в поле зрения маркетологов крупнейших косметических брендов и производителей одежды. Старый канон красоты, строившийся на культе костлявых подиумных моделей эпохи девяностых, перестал приносить сверхприбыли. Рынок достиг насыщения: невозможно бесконечно продавать миллионные тиражи платьев аудитории, состоящей из двух процентов населения планеты. Чтобы вовлечь в бесконечный потребительский круговорот остальные девяносто восемь процентов женщин и мужчин, требовалось полностью переформатировать саму философию соблазнения.

И вот здесь произошла виртуозная смысловая подмена, разрушительные последствия которой мы расхлебываем сегодня. Исходный гуманистический тезис гласил: «Человеческое тело ценно само по себе, оно не обязано служить объектом сексуального вожделения, чтобы обладать достоинством». Корпоративный бодипозитив двадцать первого века перевернул эту формулу с ног на голову и провозгласил: «Любое тело без исключения является сексуальным, соблазнительным, эротичным и обязанным вызывать бурный оргазмический восторг окружающих».

Разница между этими двумя утверждениями колоссальна, как пропасть между свободой и пожизненной каторгой. Вместо того чтобы освободить человека от удушающей фиксации на сексуальной привлекательности, новая доктрина навязала человечеству тотальную, принудительную эротизацию. Отныне женщине с выраженным целлюлитом, мужчине с пивным животом или подростку с тяжелой формой акне категорически запрещено просто спокойно жить в своем теле, работать за станком, писать научные статьи, гулять по парку и быть абсолютно равнодушными к тому, как их плоть воспринимается сторонним эротическим взглядом.

Они больше не имеют права на нейтральность. Новая политкорректная культура требует от них яростного нарциссического экстаза: они обязаны надевать обтягивающее белье, выкладывать в социальные сети свои обнаженные складки с хэштегами «Я богиня» и агрессивно требовать от окружающего мира безусловного сексуального преклонения. Если вы осмеливаетесь признать, что определенные пропорции тела не вызывают у вас сексуального желания, вас тут же объявляют фашистом, фэтфобом и врагом прогрессивного человечества.

Показательный пример: эволюция рекламных кампаний знаменитого бельевого бренда Victoria's Secret. Десятилетиями бренд продавал недостижимую фантазию об «ангелах» с идеальными параметрами девяносто-шестьдесят-девяносто, шагающих по подиуму с гигантскими крыльями за спиной. Столкнувшись с падением продаж и волной критики в социальных сетях, руководство компании совершило резкий разворот: они распустили ангелов, наняли моделей размера плюс-сайз и трансгендерных активисток, провозгласив эру инклюзивности. Но изменилась ли глубинная суть бизнеса? Ни на йоту. Бренд продолжает продавать всё то же самое: навязчивое обещание сексуальности, просто теперь упаковка товара стала на пять размеров больше. Женщине по-прежнему отказывают в праве быть просто человеком: ей настойчиво предлагают оставаться сексуальным объектом, послушно покупающим кружевные трусы.

Но биологическая реальность безразлична к лозунгам партийных съездов и резолюциям активистов. Человеческое половое влечение эволюционно формировалось миллионы лет на основе тончайших визуальных, обонятельных и гормональных маркеров здоровья, симметрии и витальности. Попытка административным путем приказать мозгу испытывать одинаковую эротическую страсть к атлетическому телу и к телу с морбидным ожирением оборачивается тотальным лицемерием и неврозом.

Более того, возникла парадоксальная ситуация: люди с избыточным весом, искренне поверившие в мантру «люби себя такой, какая ты есть», оказываются совершенно беззащитны перед реальными медицинскими рисками. Когда врач пытается деликатно предупредить паци-

ентку о надвигающемся сахарном диабете второго типа или жировом гепатозе печени, он рискует подвергнуться мгновенной публичной травле за фэтшейминг. Идеология вошла в прямое столкновение с биохимией, и в этой войне неизбежно проигрывает живой человек.

Самое страшное преступление современного показного бодипозитива заключается в том, что он отнял у человека фундаментальное право на несексуальность. Нам запретили быть уставшими, непривлекательными, нелепыми и старыми. Нам внушили, что если мы не излучаем феромоны двадцать четыре часа в сутки, наша жизнь прожита зря. Позитивность превратилась в жестокую тиранию, заставляющую миллионы людей стыдиться собственной нормальной человеческой усталости от бесконечной гонки соблазнения.

Глава 4. Цифровой эксгибиционизм: селфи, OnlyFans и продажа взгляда

Немецкий философ Вальтер Беньямин в своем знаменитом эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» исследовал феномен утраты «ауры» оригинала при массовом тиражировании. В цифровую эпоху эта утрата ауры настигла человеческое тело. Тиражированное миллионами пикселей в сети, тело потеряло свою неповторимую ауру тайны, превратившись в общедоступный и потому обесцененный визуальный мусор.

Немецкий философ Вальтер Беньямин в своем знаменитом эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» исследовал феномен утраты «ауры» оригинала при массовом тиражировании. В цифровую эпоху эта утрата ауры настигла человеческое тело. Тиражированное миллионами пикселей в сети, тело потеряло свою неповторимую ауру тайны, превратившись в общедоступный и потому обесцененный визуальный мусор.

Профессор Гарвардского университета Шошана Зубофф в своем фундаментальном труде «Эпоха надзорного капитализма» описала механизм так называемой добычи «поведенческого излишка» (behavioral surplus). Цифровые гиганты: Google, Meta, ByteDance: собирают триллионы терабайт персональных данных не просто ради таргетинга рекламы зубной пасты.

Самым ценным сырьем для алгоритмического прогнозирования поведения являются наши сокровенные интимные слабости, поисковые запросы на порносайтах в три часа ночи, длительность задержки взгляда на определенных фотографиях в ленте. Алгоритмы знают о наших сексуальных тайных желаниях куда больше, чем наши законные супруги и мы сами.

Этот поведенческий излишек продается на теневых биржах фьючерсов на поведение. Мы стали сырьем для цифровых колонизаторов. Каждая обнаженная фотография, каждое интимное признание в мессенджере оцифровывается, заносится в профиль пользователя и используется для тончайшей эмоциональной манипуляции. Мы думали, что демонстрируем свою сексуальную свободу, а в реальности лишь бесплатно загружали новые данные в машину тотального поведенческого контроля.

Французский социолог и философ Ги Дебор в программном манифесте «Общество спектакля» сформулировал пророческий тезис: в мире, где господствуют современные условия производства, вся жизнь предстает как колоссальное нагромождение спектаклей. Всё, что раньше переживалось непосредственно, сегодня отстраняется в представление.

В сфере интимности этот закон спектакля привел к тотальному расщеплению личности. Девушка, ведущая эротические трансляции в вебкаме или снимающая ролики для платных каналов, неизбежно сталкивается с феноменом глубокой психологической диссоциации. Чтобы выдержать ежедневный шквал сальных комментариев и навязчивых требований от анонимных зрителей, ее психика включает защитный блок: «Это тело на экране: не я. Моя настоящая сущность спрятана глубоко внутри».

Но за этот спасительный раскол приходится платить страшную цену. Со временем человек теряет способность чувствовать прикосновения даже в реальной жизни. Собственная кожа начинает ощущаться как резиновый водолазный костюм. Реальный партнер, касающийся ее плеча, прикасается к пустоте. Цифровой спектакль сожрал живую душу, оставив взамен лишь безупречно вымуштрованную марионетку, умеющую улыбаться в объектив кольцевой лампы.

Анализируя феномен современного цифрового вуайеризма, невозможно обойти вниманием концепцию «эротического капитала», предложенную британским социологом Кэтрин Хаким. Хаким доказала, что привлекательность, сексуальная грация и умение подать себя являются такой же реальной экономической силой, как деньги или образование. Но в цифровую эпоху этот капитал подвергся гиперинфляции.

Когда миллионы одинаково накрашенных, одинаково раздетых и одинаково позирующих девушек вываливают свои образы на глобальный цифровой рынок, индивидуальная ценность каждого отдельного взгляда стремится к абсолютному нулю. Чтобы удержать ускользающее внимание аудитории, создатели контента вынуждены непрерывно повышать градус откровенности, переходя границы базового человеческого достоинства. Цифровой базар плоти пожирает своих участников, выбрасывая на обочину тех, чья молодость и новизна вызывают у публики легкую зевоту.

Культура вебкама и платных подписок совершила тихую революцию в структуре мужского либидо. Социологические опросы среди молодых людей поколения зумеров фиксируют шокирующие цифры: более тридцати процентов юношей в возрасте до двадцати пяти лет ни разу в жизни не вступали в реальный физический контакт с женщиной. При этом они ежедневно проводят от трех до пяти часов перед экранами, потребляя интерактивную порнографию и общаясь в платных чатах.

Формируется феномен так называемой парасоциальной зависимости. Мозг мужчины устроен так, что зрительный контакт и персональное обращение запускают выработку дофамина и окситоцина. Мозг не отличает пиксели на экране от живой женщины, стоящей в двух шагах. Зачем рисковать, зачем преодолевать робость, терпеть отказы, тратить деньги на ухаживания и открывать душу перед реальным человеком, если можно нажать кнопку в приложении и получить гарантированную, идеально послушную цифровую музу, готовую исполнить любую фантазию за скромную плату?

Но эта цифровая наркомания выжигает способность к реальной эмоциональной связи. При встрече с настоящей девушкой такой мужчина испытывает приступ панической атаки: живая женщина пахнет, имеет собственное мнение, может устать, рассердиться или проявить холодность. Она не подчиняется клику мышки. И испуганный пользователь спешит сбежать обратно в уютную цифровую утробу своего смартфона, оставляя реальный мир за плотно закрытой дверью.

Английский философ-утилитарист Джереми Бентам в конце восемнадцатого века спроектировал архитектурный комплекс идеального исправительного учреждения, получивший название Паноптикум. Концепция была гениальна в своей математической жестокости: тюремные камеры располагались по кругу многоэтажного здания, а в центре возвышалась глухая инспекционная башня. Заключенные находились в постоянном контражуре солнечного света, проникающего сквозь внешние окна, благодаря чему надзиратель в башне мог видеть малейшее движение каждого узника, оставаясь для них абсолютно невидимым.

Выдающийся социолог Зигмунт Бауман в своей книге «Текучая любовь» обратил внимание на то, как цифровые коммуникации двадцать первого века совершили грандиозную пространственную инверсию классического паноптикума. Сегодня человечеству больше не нужны вооруженные охранники на смотровых площадках. Мы построили добровольный Синоптикон: систему, в которой не немногие наблюдают за многими, а миллионы добровольно обнажаются перед глазами миллионов.

Современный человек живет в состоянии непрерывного цифрового стриптиза. Смартфон с фронтальной камерой высокого разрешения превратился в главное зеркало идентичности, заменив собой совесть, исповедальню и семейный очаг. Человек двадцать первого века существует лишь постольку, поскольку он выставлен на всеобщее обозрение в лентах социальных сетей. Быть невидимым сегодня означает быть мертвым.

Этот тотальный цифровой эксгибиционизм нанес сокрушительный удар по самой природе сексуального воображения. На протяжении всей истории цивилизации эротическое желание жило и расцветало исключительно в пространстве полумрака, недосказанности и медленного раскрытия тайны. Вспомните классическую литературу: трепет начинался со случайно упавшего шелкового платка, с мимолетного взгляда из-под вуали на балу, с медленного рас-

стегивания тугих перчаток при свете свечи. Задержка, дистанция и тайна были теми мехами, которые раздували пожар подлинной страсти.

В эпоху широкополосного мобильного интернета тайна была уничтожена в промышленных масштабах. Вся анатомия человеческого соития оказалась вывернута наружу, оцифрована в разрешении высокой четкости и выброшена на мусорную свалку бесконечного бесплатного порнографического контента. Чтобы увидеть самые сокровенные физиологические процессы, современному подростку не требуется совершать никаких душевных усилий: достаточно пошевелить большим пальцем руки на сенсорном стекле.

Но доступность убила ценность. Когда плоть становится повсеместной и навязчивой, воображение атрофируется за ненадобностью. Возникает феномен сенсорного пресыщения: чтобы вызвать хотя бы слабый отклик в перегруженной дофаминовой системе, требуется все более жесткая, извращенная и экстремальная визуальная стимуляция. Нормальное человеческое тело с его неровностями, естественными запахами и физиологической уязвимостью начинает казаться скучным, блеклым и разочаровывающим.

Более того, фронтальная камера кардинально изменила восприятие собственного тела изнутри. Психологи фиксируют массовое распространение так называемой цифровой дисморфофобии: феномена, при котором человек больше не способен воспринимать свое лицо и фигуру в обычном зеркале без использования нейросетевых фильтров, разглаживающих кожу, увеличивающих глаза и сужающих талию. Мы смотрим на себя глазами отчужденного контролера, придирчиво выискивая несовершенства и пытаясь подогнать живую плоть под плоский пиксельный трафарет.

В этом контексте феномен OnlyFans представляет собой не случайную аномалию, а закономерную кульминацию развития капиталистического вуайеризма. Главным товаром на этом рынке является вовсе не обнаженное женское или мужское тело: обнаженная натура доступна в сети миллиардами гигабайт абсолютно бесплатно. Главным дефицитным товаром эпохи цифрового распада связей стало персональное внимание.

Одинокий клерк из спального района Токио, Берлина или Москвы оформляет платную подписку не ради того, чтобы увидеть чужие гениталии. Он платит за то, чтобы красивая девушка с экрана обратилась к нему по имени, спросила, как прошел его рабочий день, и прислала короткое домашнее видео из своей кухни. Он покупает симулякр присутствия. Он платит за жалкую иллюзию того, что в этом ледяном, обезличенном мегаполисе существует хотя бы одно живое существо, которому не наплевать на его существование.

Исследования показывают, что подавляющее большинство активных пользователей таких платформ: это мужчины в возрасте от двадцати до сорока лет, страдающие от глубокой социальной изоляции. Они не ходят на свидания, не имеют близких друзей и проводят вечера в четырех стенах. Для них ежемесячный донат создательнице контента: это единственный способ почувствовать себя мужчиной, чьи слова услышаны, а присутствие замечено.

Но эта цифровая сделка глубоко порочна по своей сути. За экраном смартфона не существует никакого живого сопереживания. Там сидит уставшая от жизни предпринимательница, делегировавшая общение в чатах наемным сотрудникам круглосуточных агентств, которые по готовым скриптам вытягивают из сотен таких же несчастных мужчин последние сбережения. Мы попытались утолить экзистенциальную жажду близости, припав к холодному стеклу монитора. Результатом стало лишь еще более глубокое погружение в бездну отчуждения, где живой человек окончательно заменен мерцающей пиксельной картинкой.

Взгляд Другого, который некогда был источником трепета и признания, сегодня овеществлен и расфасован по тарифным планам. Мы продаем и покупаем визуальные суррогаты, панически боясь настоящего взгляда в упор: того самого взгляда, в котором обнажается не гладкая кожа, а трепещущая, ранимая и смертная человеческая душа.

Глава 5. Юридизация флирта: как страх убил полутона и спонтанность

Выдающийся исследователь психологии брака Джон Готтман на основе многолетних лабораторных наблюдений вывел так называемое «золотое правило 5 к 1»: в счастливых и устойчивых союзах на одно негативное взаимодействие (неловкость, раздражение, спор) должно приходиться минимум пять позитивных (улыбка, ласковое касание, шутка). Невозможно построить отношения без единой ошибки. Главное: обладать мудростью и великодушием вовремя залечивать мелкие раны взаимного непонимания.

Выдающийся исследователь психологии брака Джон Готтман на основе многолетних лабораторных наблюдений вывел так называемое «золотое правило 5 к 1»: в счастливых и устойчивых союзах на одно негативное взаимодействие (неловкость, раздражение, спор) должно приходиться минимум пять позитивных (улыбка, ласковое касание, шутка). Невозможно построить отношения без единой ошибки. Главное: обладать мудростью и великодушием вовремя залечивать мелкие раны взаимного непонимания.

Словенский философ Славой Жижек в своих лекциях неоднократно указывал на тоталитарную изнанку современной политкорректности. Жижек показывает: классический викторианский запрет действовал через прямое авторитарное табу («Не смей!»). Современный же либеральный дискурс действует куда более изощренно: он навязывает человеку статус жертвы и приказывает ему наслаждаться под строгим надзором административного аппарата («Ты обязан наслаждаться, но только строго по инструкции!»).

В результате формируется чудовищная фигура нового Супер-Эго: внутреннего карающего цензора, который следит за каждым движением мысли. Мужчина перед свиданием испытывает не трепет влюбленности, а панический ужас обвиняемого перед судом присяжных.

Жижек справедливо замечает: в человеческой близости всегда есть измерение неизбежной травматичности. Встреча с другим существом ранит, нарушает покой, лишает уверенности. Попытка создать стерильный мир, в котором никто никогда не испытает ни малейшего эмоционального дискомфорта: это путь к созданию психологического лепрозория. Оберегая человека от неловкости, мы лишаем его способности взрослеть, любить и быть человеком.

Шведский опыт реформы законодательства о согласии 2018 года представляет собой уникальный материал для криминологического и социологического анализа. Швеция стала одной из первых стран мира, принявших закон, согласно которому отсутствие активного согласия со стороны партнера автоматически квалифицирует близость как изнасилование, даже при полном отсутствии физического насилия или угроз.

Казалось бы: торжество справедливости! Однако судебная практика столкнулась с неразрешимыми проблемами доказывания. В спальне не стоят камеры видеонаблюдения. Как доказать в зале суда спустя три месяца, был ли вздох партнерши знаком согласия или знаком сомнения? Судьи оказались вынуждены выносить обвинительные приговоры на основе субъективных интерпретаций и воспоминаний о тончайших эмоциональных оттенках давно прошедшей ночи.

В результате среди молодежи Стокгольма возник феномен «превентивной изоляции»: молодые мужчины стали массово отказываться от случайных связей с незнакомками после клубов, предпочитая нанимать профессиональных секс-работниц или мастурбировать дома. Закон, призванный защитить женщин от агрессии, привел к параличу доверия между полами. Мы должны помнить: право должно наказывать преступления, но оно не может и не должно подменять собой живую совесть, деликатность и чуткость человеческого сердца.

Известный французский философ Жан-Люк Нанси в своем эссе «Corpus» писал о том, что прикосновение к телу Другого: это всегда прикосновение к тайне, к границе невыразимого. Тело Другого не является объектом собственности или предметом юридического договора. Оно есть живое присутствие, которое нельзя присвоить, а можно лишь благоговейно встретить в пространстве взаимного доверия.

Когда общество пытается зарегулировать эту тайну с помощью регламентов и инструкций, оно уничтожает саму возможность встречи. Безопасность, доведенная до абсолюта, превращается в кладбищенский покой. Мы строим мир, в котором никто никого не обидит, но в котором никто никого не полюбит. Мы защитили человека от боли ценой лишения его способности испытывать экстаз.

Вспомните знаменитое социологическое исследование профессора Лоры Кипнис в Северо-Западном университете США. Кипнис исследовала работу так называемых дисциплинарных комитетов по разделу Title IX, созданных для расследования случаев сексуальных домогательств в академической среде. Она обнаружила чудовищную вещь: презумпция невиновности в этих трибуналах была фактически ликвидирована. Достаточно было одного анонимного заявления студентки о том, что взгляд профессора или неосторожная шутка на семинаре вызвали у нее «чувство психологического дискомфорта», чтобы разрушить академическую карьеру человека, создававшуюся десятилетиями.

Страх перед административной расправой привел к полному разрыву неформального наставничества. Преподаватели-мужчины перестали принимать студенток один на один в своих кабинетах, держат двери настежь распахнутыми или требуют присутствия секретаря при любом обсуждении курсовой работы. Живой человеческий диалог между поколениями оказался отравлен параноидальной подозрительностью.

А в сфере романтических отношений эта юридическая истерия породила феномен превентивной капитуляции. Мужчины добровольно отказываются от роли инициатора. Спонтанный поцелуй под дождем, воспетый мировой поэзией, сегодня квалифицируется буквоедами от юриспруденции как нападение третьей степени. Мы обменяли поэзию человеческой страсти на стерильный покой полицейского протокола.

Необходимо начать эту главу с категорического, этически безупречного утверждения, исключающего любые двусмысленные толкования: насилие над человеческой личностью недопустимо ни в какой форме. Сексуальное насилие, физическое принуждение, манипуляция зависимым положением, использование беспомощного состояния или опьянения жертвы представляют собой тяжелейшие преступления, заслуживающие самого сурового уголовного наказания. Движение МеТоо совершило грандиозный цивилизационный прорыв, разрушив стену векового молчания и лишив могущественных хищников возможности безнаказанно ломать чужие судьбы в коридорах власти и шоу-бизнеса.

Но диалектика исторического процесса безжалостна: когда справедливая борьба с реальным насилием перерастает в фанатичную административную кампанию, лекарство неизбежно превращается в смертельный яд. За последние десять лет концепция согласия претерпела колоссальную мутацию, превратившись из базовой гарантии физической неприкосновенности в удушающую бюрократическую машину, уничтожающую живую ткань человеческих отношений.

Показательным полигоном этой новой идеологии стали американские и западноевропейские университетские кампусы. Именно там была внедрена в практику так называемая модель аффирмативного согласия (affirmative consent), получившая широкую известность под лозунгом «Да значит да». Согласно официальным университетским инструкциям, согласие на интимную близость больше не может выражаться языком тела, улыбкой, кивком головы или молчаливым участием в ласке. Согласие обязано быть непрерывным, однозначным, осознанным и вербальным.

Более того, процедура требует отдельного словесного согласования каждого последующего физического шага. Мужчина, приблизившийся к девушке для первого поцелуя, обязан вслух произнести протокольный вопрос: «Могу ли я поцеловать тебя прямо сейчас?». Получив утвердительный ответ, он не имеет права расстегнуть пуговицу на ее жакете без нового юридического запроса: «Даешь ли ты согласие на то, чтобы я расстегнул твою одежду?». Любое изменение ритма, позы или интенсивности прикосновений требует перезаключения негласного пакта.

Дело дошло до появления специальных мобильных приложений для смартфонов, таких как LegalFling и GoodOnes, в которых потенциальные партнеры перед входом в спальню предлагают друг другу отсканировать QR-коды и подписать электронный договор об отсутствии взаимных претензий, зафиксировав точный перечень разрешенных интимных действий нажатием виртуальных кнопок. Разработчики этих цифровых гильотин на полном серьезе уверяют публику, будто они создают пространство идеальной безопасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.